

THE LAND WARFARE PAPERS

No. 112 MARCH 2017

Making Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo–Ukrainian War

Amos C. Fox
Andrew J. Rossow

A National Security Affairs Paper
published on occasion by

**THE INSTITUTE OF
LAND WARFARE**

ASSOCIATION OF THE
UNITED STATES ARMY
Arlington, Virginia

**Анализ гибридной войны России:
Оценка военных действий между Россией и Украиной**

Amos C. Fox
Andrew J. Rossow

**A National Security Affairs Paper published on occasion by
THE INSTITUTE OF
LAND WARFARE
ASSOCIATION OF THE UNITED STATES ARMY Arlington, Virginia**

ДОКУМЕНТ INSTITUTE OF LAND WARFARE

Цель Institute of Land Warfare - расширить образовательную работу of AUSA, финансируя учебные издания, в том числе книги, монографии и сочинения по основным оборонным проблемам, а также рабочие группы и симпозиумы. Работа Land Warfare Paper, выбранная для публикации, представляет собой авторское исследование, которое по мнению редакции ILW позволит лучше разобраться в отдельных вопросах обороны и национальной безопасности. Публикация работы Institute of Land Warfare не означает согласия армии США со всеми ее положениями, однако подразумевает, что Ассоциация находит справедливым тот факт, что данное исследование послужит стимулом осмысления вопросов для членов AUSA, а также других занимающихся важными оборонными проблемами.

LAND WARFARE PAPER No. 112, Март 2017

**Анализ гибридной войны России:
Оценка военных действий между Россией и Украиной**
Авторы исследования: Amos C. Fox и Andrew J. Rossow

Майор Amos C. Fox в настоящее время учится в военной школе перспективных военных исследований, город Fort Leavenworth, штат Канзас. Среди его прежних назначений - служба в войсках на командных и штабных должностях в 4 пехотной дивизии, 11 разведывательном полку и танковом училище ВС США.

Майор Andrew J. Rossow в настоящее время проходит обучение в командно-штабном колледже ВС США, город Fort Leavenworth, Штат Канзас. Среди его прежних назначений - служба в войсках на командных и штабных должностях в 4 пехотной дивизии, 11 разведывательном полку и центре интеграции боевых возможностей ВС.

*© Copyright 2017 принадлежит Association of the United States Army
Все права защищены.*

Все запросы, связанные с настоящим и любыми другими документами Land Warfare Papers следует направлять по адресу: Director, AUSA's Institute of Land Warfare, 2425 Wilson Boulevard, Arlington VA 22201, e-mail sdaugherty@ausa.org телефон (прямая линия) 703-907-2627 или (бесплатный звонок) 1-800-3364570, доб. 2627.

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие
- Введение
- Определение гибридной войны

- Взаимосвязь гибридной войны и политики, концепции и военная стратегия
- Существующие социальные сети - ключевой компонент гибридной стратегии
- Гибридная война России - военные действия и тактика
- Батальонная тактическая группа
- Модель разведка - нанесение удара и установки российской артиллерии
- Осадная война - инструмент ведения военных действий под надзором международного сообщества
- Гибридная война и размышления о будущих войнах
- Как преодолеть имеющееся у России превосходство
- Заключение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Военные действия России в XXI веке ввели новую парадигму, когда государственные образования находятся в непрерывном конфликте друг с другом, а стороны конфликта действуют не афишируя себя. Такая модель, известная в США и на западе, как гибридная война, в России носит название войны нового поколения. Гибридная война, равно как и любые военные действия государства или политической системы, непосредственно связаны с той страной, которая их ведет.

В случае России модель гибридной войны применяется ко всему спектру конфликтов, когда предпринимаются тайные и открытые операции, причем партизанская война связывает оба этих процесса воедино. Эта модель также предполагает извлечение выгоды из слабых сторон противника, связанных с новыми развивающимися технологиями, и поэтому агрессивно применяется в новых областях войны, таких как кибер-процесс, изыскиваются новаторские способы ведения эффективной информационной войны.

Однако то, что часто теряется в обсуждении технологических новшеств российской гибридной войны, заключается в том, что традиционные военные действия скрыты. Донбасская кампания, проводимая в рамках российско-украинской войны (с 2014 года по настоящее время), подтверждает эту мысль. В ходе всей донбасской кампании в действиях российских сухопутных войск, воюющих вместе с сепаратистскими сухопутными силами, очевидно заметны новые методы и приемы ведения наземной войны. Наиболее примечательно, что эти нововведения включают в себя разработку батальонной тактической группы (БТГ) - формирования, которое обладает огневой мощностью для удара на оперативном уровне - которая применяется в сочетании с моделью разведка-нанесение удара, не используемой на современных полях сражений. Кроме того, модель БТГ и модель разведка-нанесение удара работают в тандеме, что позволяет российским и сепаратистским войскам проводить окружения, наносящие значительные разрушения, не будучи замеченными международным сообществом.

На протяжении всей российско-грузинской войны (2008 г.), а также в ходе российско-украинской войны российская гибридная война показала себя как эффективный инструмент. Использовался ли этот инструмент в отдалении от российской границы, неизвестно, но он тем не менее создает очевидную проблему для военачальников, занимающихся текущими и перспективными вопросами.

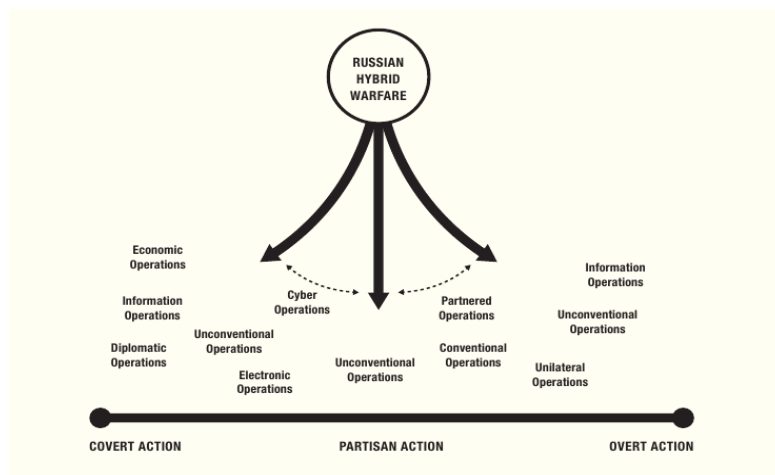
Введение

Российская агрессия в XXI веке привела к тому, что военные действия распространились на новые территории. Все крупные военные конфликты России в этот период (наиболее значимые из них - вторая чеченская война (1999-2009), российско-грузинская война (2008) и российско-украинская война (с 2014 год по настоящее время) демонстрируют эволюцию того, что стало известно как российская гибридная война или российская война нового поколения. В то время как сам термин не является новым, способ, которым Россия ведет свой вариант гибридной войны, единственный в своем роде и заслуживает анализа.

Российский бренд гибридных боевых действий - это общегосударственный подход. Он применяется по всему спектру конфликтов: от секретных операций до открытых боевых действий, когда мобилизуются и привлекаются партизанские силы, которые связывают воедино характеристики спектра концепции (см. Рисунок 1.). В то же время российская гибридная война задействует информационные, электронные системы вооружений в качестве инструментов применяемой силы. Для оправдания своего военного присутствия, организованных секретных операций и партизанских действий Россия использует концепцию «Русской идентичности».

Под вывеской скрытых действий, информационных атак и кибервойны скрывается готовность вести полномасштабную войну с применением обычных видов вооружения, в которой проявляются традиционные российские сильные стороны - зависимость от стрельбы с закрытых огневых позиций и механизированных сухопутных войск. Зачастую традиционная составляющая российской гибридной войны игнорируется или отменяется, так как считается, что нет ничего нового в том, чтобы учиться на примерах современных действий российских наземных войск. Однако это допущение неверно, поскольку российская война на суше выявляет множество новых или забытых идей и методов.

Российский метод наземной войны как часть гибридной парадигмы основан на стратегии локального доминирования и «присоединения через отделение», когда окружение является предпочтительным средством ведения боя. Российская гибридная война также носит временный характер, так как ориентирована лишь на небольшие войны, где основное значение имеет скорость. Цель состоит в том, чтобы быстро продвигаться вперед, захватить цель и удерживать ее значительными боевыми силами до тех пор, пока противник или международное сообщество не поймут, что произошло и не дадут адекватный отпор, сдерживающий дальнейшее продвижение. Цель настоящего исследования - проработка вышеупомянутых идей и разработка рекомендаций по выявлению и устранению будущих гибридных угроз.,

Определение гибридной войны

Существует множество определений гибридной войны. Фрэнк Хоффман из Института Потوماка дает одно из известных определений, в котором говорится о том, что гибридные войны «сочетают различные средства ведения военных действий, такие как действия с применением обычных видов вооружения, нерегулярных войск и формирований, террористические акты ... и нарушения общественного порядка».

Далее Хоффман утверждает, гибридные войны характеризуются оперативно-тактической синхронизацией боевых действий в месте их проведения, что позволяет добиться «синергетического эффекта». Проблема определения Хоффмана в том, что он забрасывает слишком широкий невод, в который попадает практически любое действие, и, таким образом, все что угодно может считаться гибридной войной. Это определение не дает четкого понимания концепции и, следовательно, мало полезно для обсуждения современных гибридных войн.

Армия США не раскрывает содержание понятия гибридных войн, но дает определение гибридной угрозы. В армейской доктрине говорится, что гибридная угроза представляет собой «разнообразное и динамичное сочетание регулярных сил, нерегулярных сил, террористических сил и/или криминальных элементов, объединенных для достижения взаимных выгод». Это определение не дает четкого представления о современных гибридных войнах и гибридных угрозах, поскольку не представляется возможным отделить гибридность от физических угроз. В гибридной среде угрозы существуют во всех областях, как и во всех элементах государственной власти.

Действия России на Украине наглядно демонстрируют эту недоработку, обнаруживая связь информационных действий, кибер-операций и инструментов государственной власти с субъектами, представленными в определении гибридной угрозы в армии США.

Современный американский военный теоретик Роберт Леонард предполагает, что гибридная война и ее вспомогательные операции обусловлены получением асимметричного превосходства для достижения политических целей. Гибридные операции характеризуются как не объявленные военные действия, когда одновременно проводятся обычные и нетрадиционные военные операции, ведутся военные и невоенные действия в среде, где расстояние между стратегией и тактикой значительно сокращено, а информация имеет крайне важное значение. Определение Роберта Леонарда дает точное описание концепции современной гибридной войны и характеристику уникальных атрибутов российского бренда гибридной войны.

Оба определения гибридной войны или гибридной угрозы не указывают на отношение концепции к властным структурам, разработавшим ее. Взгляды государства или политической системы на гибридную войну тесно связаны с государственно-правовыми институтами, ведущими такие войны. Государственная политика запускает этот механизм, а государственные средства наряду с элементами государственной власти определяют стратегические и оперативные подходы в местах проведения военных действий. Взаимосвязь истории и географии также оказывает влияние на то, где, как и с кем государство разрабатывает свой гибридный подход. В связи с этим для лучшего понимания российской гибридной войны целесообразно кратко описать российскую политику и военную стратегию.

Взаимосвязь гибридной войны и политики, концепции и военная стратегия

По словам министра иностранных дел Сергея Лаврова важнейшая задача политики России - признать и положить конец мировому господству запада. Сдерживание захвата российской исторической сферы интересов или территорий ближнего зарубежья со стороны Организации Североатлантического договора (НАТО) и установление регионального господства - второстепенные задачи российской политики. Желание России установить региональное господство направлено на развал Евросоюза путем оказания влияния на выборный процесс в европейских странах с целью продвижения националистических кандидатов.

Россия разработала удобную концепцию, позволяющую освещать события таким образом, чтобы оправдывать свои агрессивные действия в странах ближнего зарубежья. Эта концепция основана на утверждении роли жертвы, в положении которой ее (Россию) непрерывно атакует Запад - политически, культурно и территориально. Кроме того, в ней утверждается, что исторические русские земли, такие как Крым и район Украины Новороссия, справедливо должны принадлежать российскому государству. Если же такие территории не находятся под властью России, то у нее есть право на их возвращение.

Развивая эту концепцию дальше, Россия разработала введенное в действие определение «русской идентичности», которое очень гибко, и позволяет манипулировать им в соответствии с политическими и стратегическими интересами. Понятие русской идентичности включает пять групп факторов: этнические русские, носители русского языка, приверженцы ортодоксального православия, славянские народы и жители географического пространства российской империи, Российской Федерации или Советского Союза. Используя историю и географию, Россия возвращается к основанию династии Романовых в XVII веке. Понятие «русская идентичность», примененное президентом Владимиром Путиным, работает как мотив и оправдание агрессивных действий России в Европе и за ее пределами.

В военном отношении в основе российской стратегии лежит идея о том, что в международной политике идет процесс непрерывной борьбы. В результате создается постоянное напряжение в отношениях между народами. Такой характер международной политики создает условия, при которых сторона, имеющая возможность действовать первой и оставаться незамеченной в погоне за своими политическими целями, по всей вероятности, займет выгодную позицию прежде, чем международное сообщество сможет разобраться в ситуации и начать противодействовать таким маневрам. Тем не менее нация должна обладать способностью и желанием наращивать применение физической силы для достижения желаемого результата.

В основе военной стратегии России также лежит стратегия доминирования. Российская стратегия доминирования базируется на ее прошлом, что помогает разобраться в текущей ситуации доминирования. Ранее Россия пыталась реализовать стратегию доминирования, целью которой было установление полного господства на всей территории империи. Но российская сторона обнаружила, что следование этой версии доминирования было слишком дорогостоящим и истощающим ресурсы. Россия не принимала во внимание такие особенности стратегии доминирования, как ее зависимость от ресурсов и капитала, скоротечность, способность оказывать психологическое воздействие и приводить к неожиданным результатам, а также то, что в случае ее применения необходимо учитывать требования, связанные с местом ее применения и структурой государственной власти.

В результате Россия разработала операционный подход, основанный на локальном и временном доминировании в ущерб непрерывному доминированию, что и является основной чертой российской концепции гибридной войны. В общем и целом эта стратегия доминирования сводится к тому, чтобы ослабить тех, кто находится на периферии российских территорий, посредством скрытых действий, кибер-операций и информационной войны, создавая и поддерживая зоны замороженного конфликта или стратегические форпосты, откуда далее можно манипулировать противниками. Другими словами российская стратегия доминирования базируется на политике «присоединения через отделение» слабого соседа, которая делает Россию сильной по отношению к этим слабым соседям. Лучший способ сделать своих соседей слабыми - это дестабилизировать ситуацию на их территории, проводя тайные операции с применением нетрадиционных сил, кибер-операций и информационных атак - дестабилизировать этих соседей.

Военная стратегия России не так наивна и не позволяет считать нетрадиционные скрытые действия серебряной пулей (идеальным решением). Российская политика требует операционного подхода, основанного на понимании войны по Клаузевицу, то есть как «пульсации насилия» с меняющимися временем, скоростью и интенсивностью. Поэтому российская гибридная война применяется негласно в периоды установленного мира с целью дестабилизации врагов, но пульсирует до начала боевых действий, что позволяет впоследствии вести сражения и одерживать победы в открытых столкновениях, сражениях и операциях в непосредственной близости от российской границы. Результатом является эскалация модели гибридной войны, которая сначала стремится к достижению своих политических целей посредством скрытых действий, а затем использует партизанские силы в случаях, когда скрытые действия оказываются неэффективными или недостаточными. Если партизанские силы не могут добиться целей, в рамках концепции российской гибридной войны привлекаются российские войска, оснащенные традиционным оружием. При переходе от партизанской войны к открытой войне российские силы скрываются под маской партизан, быстро рассредоточиваясь по окрестностям или переходя обратно через российскую границу по завершении локальных военных операций.

Существующие социальные сети - ключевой компонент гибридной стратегии

Изучая российско-украинскую военную кампанию в Донбассе, можно сделать поучительные выводы в поддержку использования партизанских сил в качестве связующего элемента, который объединяет скрытые и открытые военные действия с применением неядерного оружия. Используя концепцию «русской идентичности», Россия привлекла в регион офицеров-разведчиков, самые известные из которых Игорь Гиркин, Игорь Беслан и Алексей Мозговой, с целью агитации недовольных донбасских «россиян», что должно было вызвать недовольство правительством в Киеве. Кроме того, в их задачи входило создать армию поддержки из донбасских партизан и добиться отделения от Украины на основании того, что Киев не выражает интересы жителей региона. Гиркин и его соратники использовали ранее существовавшие социальные сети и пропагандировали концепцию русской идентичности с целью формирования костяка партизанских сил. В итоге была собрана группа партизан численностью свыше 30000 солдат, реорганизованная затем в батальонные тактические группы и отдельные отряды. Это единственный в своем роде российский подход к войне, иллюстрирующий идею о том, что гибридная война, как и другие виды войн, тесно связана с обществом, инициирующим ее.

Гибридная война России - военные действия и тактика

Российско-украинская война (с 2014 года по настоящее время) является лучшим примером российской гибридной войны. Две крупные военные кампании - Крым и Донбасс - проясняют уникальный характер российской гибридной войны. Крым, ставший частью России после победы над Крымским ханством в 1783 году, соответствовал всем характеристикам концепции «русской идентичности». Крымская кампания, привлекая внимание общественности аннексией Крыма 18 марта 2014 года, демонстрирует, как Россия, применив концепцию русской идентичности к демографии и истории региона, быстро и без лишнего шума сработала на скрытом конце спектра гибридной войны. Российские подпольные силы дестабилизировали местное самоуправление Крыма путем вброса и ассимиляции сил службы безопасности и обороны с целью последующего установления контроля над центрами власти и секретными службами на полуострове. Демография Крыма, где большая часть населения русскоязычная, либо этнические русские, сыграла решающую роль при аннексии полуострова и дала возможность провести операцию практически без применения силы и жертв. Аннексия Крыма демонстрирует эффективность использования концепции русской идентичности для достижения стратегических целей, однако кампания в Донбассе показывает, что эффективность гибридной войны во многом зависит от готовности населения поддержать интервенцию.

Начало российско-украинской кампании в Донбассе было похоже на начало кампании в Крыму, но она получила другое развитие. Ситуация в Донбассе отличалась от ситуации в Крыму, что привело к эскалации кампании и переходу от исключительно скрытых действий к применению партизанских сил и открытым военным столкновениям. Российские войска специального назначения и спецслужбы проникли на территорию Украины и попытались вызвать трения между жителями и федеральными и местными органами власти. Одновременно с этим российские агитаторы внедрились в организованные группы по всей восточной части страны с целью создать внушительные партизанские силы для совместной борьбы с Россией против дестабилизированного Киева. Тайные и партизанские этапы кампании в Донбассе проводились в период с апреля 2014 года по июнь 2014 года, в то время, когда Киев собирал украинскую армию и волонтерские батальоны для борьбы с партизанами сепаратистами.

Войска Киева теснили партизан и подпольные силы до атаки в Зеленополье 11 июля 2014 года, которая стала одним из первых случаев, когда российские вооруженные силы обнаружили свое присутствие. С июля 2014 года по февраль 2015 года в Донбассе прошла серия столкновений, наиболее заметными были сражения в Иловайске, аэропорту Донецка, аэропорту Луганска и Дебальцево. В каждом из этих сражений российские сухопутные войска общего назначения открыто помогали сепаратистам наносить поражения украинским вооруженным силам. Кампанией в Донбассе руководила 49-я армия в Ставрополе (Россия), которая совместно с 6-й танковой бригадой обеспечила превосходство российских батальонных тактических групп (БТГ) и ракетных бригад, участвовавших в событиях в Донбассе.

Следует также отметить, что БТГ были переброшены практически из всех полевых частей и родов войск, в том числе из Владивостока и с Курильских островов. На пике кампании в разгар осады Дебальцево численность российских сухопутных войск в Донбассе была доведена до 10000 солдат, еще 26000 удерживали Крым. Войска численностью 10000 в Донбассе были организованы в БТГ, в то время как в войска в Крыму такая реорганизация не была проведена. БТГ неоднократно доказали свою действенность в кампании, в связи с чем начальник штаба вооруженных сил России Валерий Герасимов заявил, что российская

армия намерена увеличить количество БТГ с 66 до более чем 120 к 2018 году. Учитывая повсеместное применение БТГ в донбасской кампании и награды, полученные от российских вооруженных сил, необходимо более подробно рассмотреть такие формирования и связанные с ними концепции их создания и боевого применения.

Батальонная тактическая группа

В отличие от бригадной боевой группы БТГ - это российское нововведение, применявшееся в небольших войнах в рамках гибридной войны. Как показали действия России в Донбассе, под вывеской гибридности скрываются мощные системы неядерных вооружений. Тактическое новаторское решение России, примененное в ее сухопутных войсках, влияет на концепцию операции, особенно в области планирования кампании и последовательности операций. Россия реорганизовала свои тактические формирования в БТГ (в частности батальоны и бригады) для создания сил, обладающих гораздо большей мощностью, чем формирования того же порядка. Российская БТГ включает одну танковую роту, три механизированные пехотные роты, противотанковую роту, две-три самоходные артиллерийские батареи, ракетную батарею с многоствольными пусковыми установками и две противовоздушные батареи (см. Рисунок 2.).

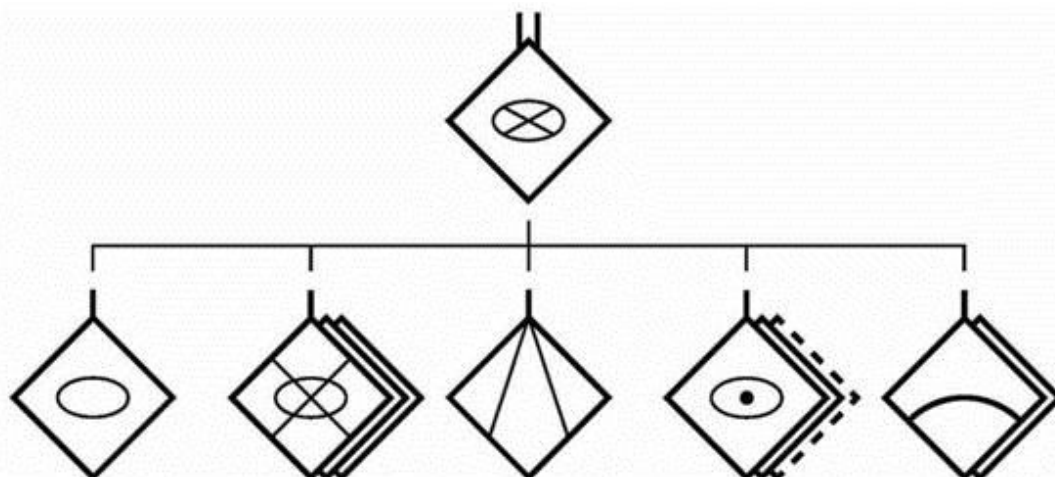

Рисунок 2. Структура распределения сил в батальонной тактической группе (БТГ)

Что касается огневой мощи, определяемой как огонь прямой наводкой, огонь с закрытых огневых позиций, противотанковая и противовоздушная оборона, БТГ, которые обеспечивают дальность огня до 90 км, превосходят бригадные боевые группы армии США (ББГ) (см. Рисунок 3). Следует также отметить, что российские БТГ используют свою самоходную артиллерию в прямом огневом режиме в рабочем порядке, при этом дальность стрельбы фронтального огня БТГ составляет до 6000 метров, что превышает дальность стрельбы фронтального и противотанкового огня ББГ США примерно на 2500м (см. Рисунок 4). БТГ превосходит ББГ армии США по дальности и силе, что ставит особую задачу перед командованием армии, однако, проблемы, связанные с БТГ, не ограничиваются лишь дальностью огня.

	U.S. ABCT	Russian BTG	Advantage
Tank Company	4	1	United States
Mechanized Infantry Company	3	3	—
Anti-armor Company	0	1	Russia
Field Artillery Battery	0	2	Russia
Rocket Battery	0	1	Russia
Air Defense Battery	0	2	Russia

Рисунок 3. Сравнительные характеристики БТГ и бригадной боевой группы (ББГ)

Российские БТГ - это гибкие, интегрированные системы, предназначенные для поглощения удара и сильного огня, при этом способные вести мощный огонь. Это устойчивые системы без центра боевой устойчивости (COG). В соответствии с доктриной США на оперативном и стратегическом уровне используется боевой потенциал с центром боевой устойчивости, однако нужно иметь в виду, что в таких гибридных войнах, как русско-украинская война, БТГ участвуют как тактические формирования, обладающие огневой мощностью оперативного подразделения и способные эффективно функционировать. Таким образом, следует использовать системную перспективу при анализе того, как действовать на поле боя с участием российских БТГ.

Системная перспектива предполагает, что общие возможности внутри системы должны быть ослаблены до такой степени, что система подвергнется слому, либо сдастся до достижения точки слома. Оценка БТГ иллюстрирует эту идею. Избыточная мобильность, огневая мощь и защита внутри формирования указывают на то, что централизованный источник силы отсутствует, а мощь БТГ обеспечивает симбиотическая связь между ее компонентами.

Жизнестойкий характер российской БТГ ставит вопрос о том, на чем сосредоточить свои усилия при столкновении с БТГ на поле сражения. Системный подход предполагает, что действия должны направляться против БТГ в любой возможной точке по ширине и глубине ее формирования с целью ослабить возможности БТГ до такой степени, что она не может сопротивляться. Борьба с жизнестойкостью неуязвимых и мощных БТГ, действующих под прикрытием массированной интегрированной системы противовоздушной обороны (IADS), размещенной у ее границ, может означать возврат к войне на истощение, поскольку противники стремятся снизить боеспособность друг друга до степени невозможности сопротивления. Это не говорит о том, что маневры невозможны, но маневренные боевые действия, позиционные военные действия и война на истощение составляют единое целое, причем каждая составляющая работает вместе с другими в соответствии с боевой обстановкой.

БТГ также имеет средства локальной противовоздушной обороны, позволяющей нейтрализовать тактическую авиационную поддержку противника. В первых столкновениях и сражениях в ходе российско-украинской войны видно, что украинские войска пытались вступить в ближний бой, осуществлять ближнюю авиационную поддержку и медицинско-эвакуационное обеспечение только до момента, когда начали сбивать самолеты. Сбитый над Луганской областью украинский транспортный самолет ИЛ-76, в котором погибли 49 украинских солдат, не единственный пример. Первые сражения в ходе кампании в Донбассе изобилуют случаями, когда российские войска и их сепаратистские партнеры сбивали несколько украинских самолетов. После таких

противовоздушных операций в Донбассе украинские военные практически отказались использовать какие-либо авиационные силы. Эта ситуация в значительной степени продолжается до настоящего времени.

Figure 4
BTG Weapons Capabilities

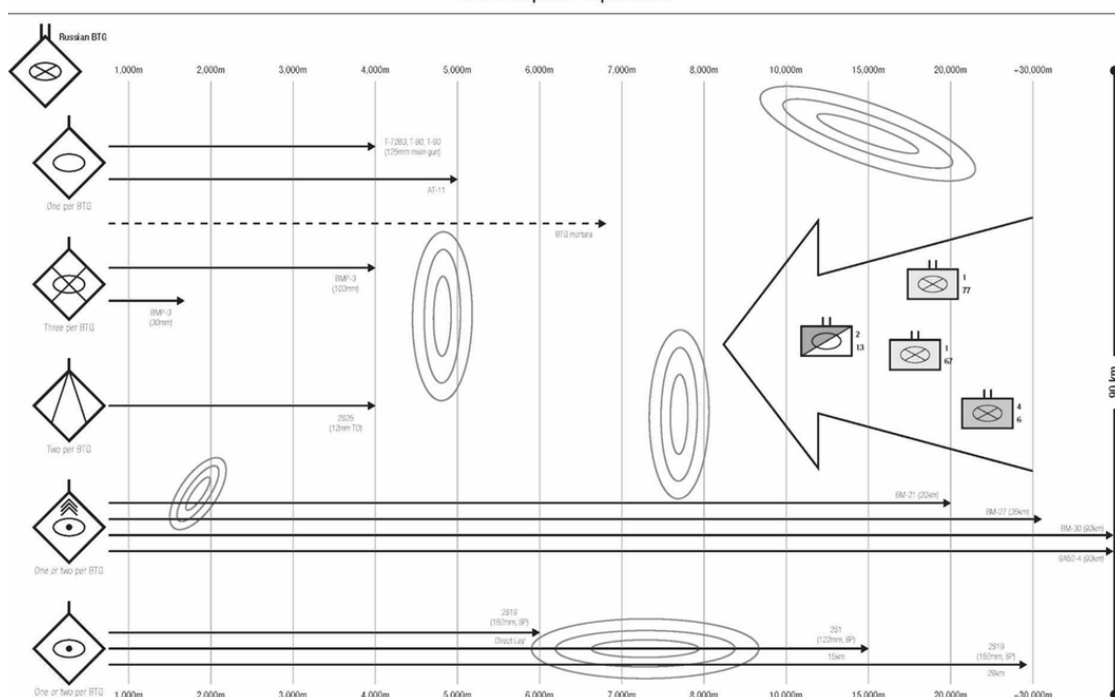

Рисунок 4. Система вооружений БТГ

Модель разведка - нанесение удара и установки российской артиллерии

Повсеместное использование беспилотных летательных аппаратов российской стороной является важной чертой донбасской кампании в ходе российско-украинской войны. Тем не менее, при обсуждении повсеместного присутствия беспилотных летательных аппаратов часто упускают из виду то, как их использовала российская сторона. Они использовались не только для наблюдения с воздуха, но и являются частью высоко интегрированной системы, которая использует преимущества системы ПВО и возможности нанесения дальнего удара. Российская модель разведка - нанесение удара, включающая в себя беспилотные летательные аппараты, ракетные и артиллерийские обстрелы, специальную разведку, кибер-вооружения и технологию геолокации, неоднократно давала впечатляющие тактические и операционные результаты в Донбассе.

Ракетный удар российской стороны по украинским войскам в Зеленополье 11 июля 2014 года стал первым наглядным примером действия современной модели разведка-нанесение удара. Удар был нацелен на район большого сосредоточения украинских войск, где они готовились к развертыванию и переходу в наступление. Около 04:00 11 июля в небе послышался звук беспилотных летательных аппаратов. Примерно в то же время украинские войска лишились связи по своей оперативной радиосети. Через несколько минут по району были произведены массированные ракетные и артиллерийские удары. В результате этого побоища свыше 30 украинских солдат были убиты, десятки тяжело ранены, более двух батальонов было уничтожено. На сегодняшний день удар по Зеленополью был самым успешным ракетным ударом донбасской кампании, а модель разведка-нанесение удара продолжает доминировать в российском и сепаратистском процессе определения цели.

Следует отметить, что можно провести параллель между действиями России в ходе донбасской кампании и историческим российским подходом к применению ракетно-артиллерийского огня. Исторически российские сухопутные войска применяют огонь с закрытых огневых позиций и наземные атаки последовательно по избитой формуле «завоевывает артиллерия, пехота оккупирует». Армия США наоборот пытается синхронизировать огонь с закрытых огневых позиций с действием сухопутных войск. Разница этих подходов не свидетельствует о том, что один метод эффективнее другого. Готовясь к сражению с российскими войсками, надо иметь ввиду, что прогнозируемым первоначальным контактом будет прежде всего массированный ракетно-артиллерийский обстрел.

Российские силы и их союзники сепаратисты не боятся жертв среди гражданского населения. На самом деле можно сказать, что они рассматривают жертвы среди гражданского населения как рычаг воздействия. Чтобы проиллюстрировать это, следует отметить, что ракетно-артиллерийский огонь постоянно попадает в гражданское население по всему Донбассу. Тактическое использование ракет и артиллерии по гражданским целям по-видимому служит политическим целям российской стороны и сепаратистов. Неизбирательное убийство гражданского населения наводит на мысль о том, что правительство в Киеве и украинские вооруженные силы не способны адекватно защищать местное население, поэтому они (местные жители в Донбассе) должны сражаться на стороне России и ее партизанских союзников в регионе.

Эту мысль подтверждает прежде всего сражение при Дебальцево, шедшее с января по февраль 2015 года. В Дебальцево, городе с населением 25000 человек, в результате российских операций по обстрелу и окружению погибли около 6000 мирных жителей, еще 8000 мирных жителей вынуждены были покинуть город. В сражении принимала участие 128-я механизированная бригада украинской армии, донбасский батальон и другие формирования, которые были практически уничтожены. Связав жертвы среди гражданского населения с неспособностью украинских вооруженных сил нанести поражение российской армии и сепаратистам в Дебальцево, можно выдвинуть политическую концепцию в поддержку информационных операций России, имеющих целью подорвать доверие к Киеву, украинским вооруженным силам и их способности защитить жителей Донбасса. Российские операции в Сирии демонстрируют аналогичный подход на практике: возрастающее количество человеческих жертв и разрушений используются в качестве политического рычага.

Тактика окружения - инструмент ведения военных действий под надзором международного сообщества

Итак, БТГ, модель разведка-нанесение удара, установки российской артиллерии и готовность нести потери среди гражданского населения лежат в основе метода ведения боевых действий, в котором окружение используется в качестве важнейшего инструмента оперативно-тактических действий России. Основные сражения донбасской кампании, в том числе сражение в Иловайске, аэропорту Донецка, аэропорту Луганска и Дебальцево, были операциями по окружению, в которых российские и сепаратистские силы окружали украинские войска, перерезали им доступ к внешнему миру и постепенно вытесняли их. Хотя у России была возможность быстро уничтожить украинские войска в каждом из этих сражений, такого решения не было принято. Можно предположить, что это было сделано намеренно, чтобы не вызвать гнев международного сообщества. 1000 солдат, убитых в течение нескольких месяцев, гораздо менее заметна, чем 1000 солдат, убитых за

несколько дней. Аналогичный вывод можно сделать из отсутствия российских самолетов в донбасской кампании. Бомбардировки и огневая поддержка с воздуха гораздо более заметны для международного сообщества, в то время как локальные операции и неучастие военно-воздушных сил позволяют России действовать практически безнаказанно и наносить серьезный урон украинским вооруженным силам и гражданскому населению.

Гибридная война и размышления о будущих войнах

Выводы, сделанные из русско-украинской войны, которые были бы универсальными для гибридной войны не позволяют понять все тонкости концепции. Гибридная война по своей сути связана с государством или политической системой, которая ее ведет. В связи с этим надо понимать, что невозможно дать всеобъемлющее тиражируемое определение гибридной войны. Концепция связана с политическими целями такого государства или политической системы. Кроме того она зависит от средств, находящихся внутри элементов государственной власти такого государства или политической системы. В случае России концепция гибридной войны является результатом соединения концепции русской идентичности, системы противовоздушной обороны с ее стратегически важными аванпостами и замороженными конфликтами на всей территории Евразии.

Кроме того, гибридная война - это теория войны, которая использует концепцию стратегии американского военного теоретика Эверетта Долмана, в которой говорится, что «стратегия в ее простейшей форме - это план для достижения непрерывного превосходства», целью которой является обеспечение длительного превосходства государства. Долман также формулирует отправной принцип, в соответствии с которым определение «ожидаемых результатов является сущностью прикладной стратегии». Так уж получилось, что доктрина Герасимова соответствует концепции стратегии Долмана, поскольку Россия проводит в жизнь идею непрерывного политического конфликта в связи с наличием постоянного врага, которым в настоящее время являются Соединенные Штаты, западная культура, ее ценности, политические системы и идеология. Россия использует концепцию русской идентичности в существующих социальных сетях для обеспечения поддержки или оправдания своих агрессивных действий. Политика России в отношении Соединенных Штатов, в основе которой лежит эта концепция, имеет важное противоречие. Стремясь успокоить союзников по НАТО и стратегических партнеров в Восточной Европе, Соединенные Штаты вписываются в российскую концепцию, как часть угрозы для русской идентичности со стороны Запада. Тем не менее, не делая ничего, Соединенные Штаты создают стратегический вакуум, в котором Россия, опираясь на концепцию русской идентичности, скорее всего, будет продолжать манипулирование для достижения своих политических целей.

Версия гибридной войны России создана для небольших войн, когда страны не применяют стратегию уничтожения, а стремятся навязать свою политическую волю, не разрушая политических институтов своих противников. Российская гибридная война является побочным продуктом века информации для использования в нескольких местах проведения военных действий для выявления методов достижения относительного преимущества над противником, либо при проведении непрерывных операций, направленных на ослабление противника изнутри. Таким образом, в дополнение к войскам специального назначения Россия использует информационные, кибер- и электронные операции для того, чтобы разжечь недовольство среди населения, являющегося объектом нападения.

Кроме того, войны с уничтожением или сменой режима часто создают большую нестабильность для агрессора, и поэтому свержение существующих режимов целью российской гибридной войны не является. Гибридная война как концепция для небольшой войны используется для создания замороженных конфликтов, которые постоянно требуют от противника ресурсов и осуществления политической власти. В случае с Россией Крым, Донбасс, Южная Осетия и Абхазия являются инструментами, которыми Россия может манипулировать для извлечения политической выгоды. В связи с этим можно ожидать похожих наступлений с ограниченными задачами, которые будут мотивированы концепцией русской идентичности, и в других регионах, которые Россия попытается дестабилизировать или аннексировать.

Разумеется, можно предположить, что действия России будут предприняты в тех регионах, где существует русская идентичность. Хотя США и НАТО закрепились в странах Балтии, Россия легко может нанести удар по Беларуси или Сербии. В рамках этой концепции можно ожидать действий в тех регионах, которые исторически были частью России или, по крайней мере, связаны с ней. Россия будет использовать историю как оправдание для дальнейших действий, утверждая, что она обязана поддерживать «русских», которых она понимает как любых этнических русских, носителей русского языка, приверженцев ортодоксального православия или представителей восточнославянских народов, в регионах, попадающих в сферу ее влияния.

Тем не менее остается много вопросов относительно русской версии гибридной войны. Во-первых, является ли эта концепция действенной, если российские вооруженные силы выходят за пределы границ России? Российские БТГ пока не перемещались и не вели боевых действий на расстоянии более 100 миль от границ России, поэтому истинный характер их тактического и оперативного охвата остается неизвестным. Кроме того, является ли российский бренд гибридной войны зависимым от систем вооружений российских вооруженных сил и их базирования? Является ли эта концепция привязанной к системе ПВО только в Евразии, или Россия может экспортировать ее в другую часть мира? И наконец, является ли российский бренд гибридной войны неотъемлемо связанным с населением, которым Россия может манипулировать с тем, чтобы проводить тайные операции и создавать партизанские отряды для борьбы от ее имени? Ответ на эти вопросы будет непростым, но может помочь в определении методов преодоления российской гибридной войны для противостояния следующей ожидаемой российской агрессии.

Как преодолеть имеющееся у России превосходство

Если вооруженные силы США или НАТО окажутся перед лицом России или ее марионеточными партизанскими войсками на поле сражения, они (силы США и НАТО) должны ожидать превосходства ее тактического прямого и косвенного огня. Это достигается за счет количественного преимущества в комплексах вооружения, возможностей многоцелевых вооружений и концепции, ориентированной на локальное превосходство. Как уже говорилось ранее, российская концепция предполагает, что сначала необходимо осуществить уничтожение с помощью непрямого огня, а затем ввести сухопутные войска. Соединенные Штаты действуют по модели синхронизации непрямого огня с действием наземных сил. Более того, российские БТГ обладают как ракетными средствами вооружения, так и артиллерией, а тактические формирования США не имеют опыта ведения таких боев. Далее, российские вооруженные силы в отличие от сил США имеют мощный набор вооружений в своем арсенале, от усовершенствованных обычных

боеприпасов двойного назначения до термобарических боеголовок, что создает очевидную асимметрию преимущества на поле боя. Асимметрия непрямого огня позволяет механизированным силам БТГ сближаться с противником из защищенной закрытой огневой позиции, сохраняя при этом свободу маневра для развития внеплановых задач на месте сражения. Другими словами, системы вооружений непрямого огня БТГ обеспечивают буфер для защиты своих основных сил при переброске для уничтожения сил противника или захвата цели.

Превосходство России в системе непрямого огня представляет собой экзистенциальную угрозу для медленно движущихся формирований, легких или легкобронированных формирований, штабов военных формирований или других узловых пунктов, создающих электронную подпись. Для борьбы с таким превосходством сухопутные войска США должны иметь в виду цель кампании. Теоретик Роберт Леонард утверждает, что «цель военной кампании - неустанно и непрерывно действовать против врага до тех пор, пока цель не будет достигнута». Имея это в виду, сухопутные войска США должны искать способы достижения максимальной скорости и последовательности в оперативном и тактическом планировании. Операционная и тактическая скорость важна для того, чтобы защититься от российских ракет и артиллерии и выиграть время, необходимое для эффективного наведения на цель и доставки боеприпасов. Скорость также позволит наземным силам США опережать российский не прямой огонь и их действия по защите механизированного ядра БТГ. Скорость также позволяет наземным силам США сближаться с такими формированиями и уничтожать их. Непрерывное противодействие БТГ позволит использовать тактическую авиационную поддержку для уничтожения средств ПВО БТГ.

Скорость и последовательность не только чисто физические характеристики, но и когнитивные. Скорость планирования обеспечит и скорость в действии. Точно так же скорость планирования позволяет реализовывать последовательность действий. Роберт Леонард утверждает, что эта последовательность основана «на способности воспринимать и прогнозировать дискретные события войны, должным образом анализировать их соотношение и результативно упорядочивать их». Последовательность является фундаментальной особенностью успешной военной кампании, основная задача которой - действовать против врага вплоть до достижения цели. Понимание двусторонней взаимосвязи между желаемым конечным состоянием и текущим состоянием запускает последовательность событий. Эта реверсивная динамика позволяет разработать план бескомпромиссного преодоления разрыва между этими в корне отличными ситуациями. При этом командование должно помнить, что успешная последовательность также должна обеспечить защиту от противника, способного реализовать свою последовательность действий.

Командование должно иметь в виду, что российская гибридная война, о чем свидетельствуют операции донбасской кампании, демонстрирует предрасположенность России втягивать врага в ситуацию окружения. Поэтому командованию армии США следует помнить об этом при планировании оперативных и тактических действий, основывающихся на скорости и последовательности, так как в противном случае это может легко привести к ситуации, в которой украинские войска оказались в Донецком аэропорту, изолированными в зоне охвата без возможности применить системы вооружения под почти непрерывным массированным прямым и непрямым огнем.

Скорость и последовательность, противостояние попыткам втягивания в окружение имеют решающее значение для сил быстрого реагирования. Армия США в настоящее время проводит полевые испытания концепции бригады с задачей разведки и охранения (R&S) с участием 1-й бригадной тактической группой, 4-й пехотной дивизии, в ходе которых регулярная армейская бригадная тактическая группа усиливается, проходит дополнительное обучение и получает перечень заданий, необходимых для выполнения задач разведки и охранения. Далее это формирование будет задействовано как силы быстрого реагирования армии США. Кроме того, есть другие варианты создания сил быстрого реагирования, в том числе школа бронетанковых войск, учебный центр передового опыта и министерство армии сухопутных войск США. В обращении специалиста по вопросам обороны Дугласа Макгрегора к разведывательно-ударным группам можно найти рекомендации силам быстрого реагирования, отличные от традиционных предложений. Недавно опубликованный официальный правительственный документ также призывает к созданию формирований сил быстрого реагирования, предназначенных для многомерных операций, используемых для поддержки ввода объединенной группировки войск и служащих связующим звеном между командованием воздушными силами объединенной группировки войск и командованием сухопутными войсками объединенной группировки войск. Несмотря на отсутствие единого решения о перспективах развития сил быстрого реагирования, необходимость в таковых сохраняется.

Наземные формирования США должны изыскивать возможность ликвидации отставания огневой мощи батальонов армии США и ББГ от огневого потенциала российских БТГ. Существует множество решений этой проблемы, но если оставить эту проблему без внимания, вооруженные силы США понесут большие потери при столкновении с российскими БТГ на гибридном поле сражения. Превосходство российских войск в косвенном огне, противотанковых системах вооружений и артиллерии ПВО на уровне батальона позволяет российским сухопутным войскам добиваться подавляющего локального доминирования на земле и в воздухе. Армии США следует нарушить традицию и изменить модели организационных структур и состава вооруженных сил с тем, чтобы найти относительно недорогие способы решения этих проблем.

Разведывательно-ударная группа или аналогичное формирование может стать таким решением, для чего необходимо дооснастить системы вооружений обычных бригад и вышестоящих соединений на тактическом уровне, когда их можно будет быстро и эффективно применять в соответствии с концепцией развития многомерных операций вооруженных сил. В этом типе условий боевого применения батальон и нижестоящие формирования должны иметь гарантированный и быстрый доступ к системам вооружения, необходимым для успешного проведения сражений с БТГ. Также должна быть реализована организационная структура, способная гибко и маневренно выполнять задачи подразделения, что необходимо для ведения таких сражений. Перегруппировав имеющиеся системы вооружения формирования, выведя на первый план дальнее огневое воздействие, огневую поддержку с воздуха/ авиацию ближнего воздушного боя, противовоздушную оборону, средства радиоэлектронной борьбы и другие системы вооружений, армия создаст боевую силу, имеющую гораздо больше возможностей нанесения мощного удара на необходимом для операции расстоянии, что приведет к систематическим разрушениям, десинхронизации и поражению передовых сил противника.

Соединенные Штаты также должны пересмотреть свои инвестиционные приоритеты в свете выявленной нехватки систем вооружений. Система ближней противовоздушной

обороны на сегодняшний день не имеет масштаба, достаточного для текущих условий боевого применения, в которых широкое распространение получают беспилотные воздушные системы. Дорогие одноразовые средства поражения не решают проблем в условиях этой новой динамики. Наилучшим решением будет усовершенствованный электронный или кибер-ответ на эту угрозу, что приведет к необходимости вывести соответствующие системы вооружений на тактический уровень. Недостатком концепции многомерных сражений остается то, что передовые силы, борясь за достижение кратковременного превосходства в местах проведения боевых действий, не смогут его удержать, и формирования окажутся под угрозой преследования, подавления или уничтожения. Эти формирования должны быть оснащены межпространственными средствами защиты для обеспечения безопасности при проведении многомерных наступательных операций. Технология в руках хорошо обученных солдат и подразделений во главе с гибким опытным командованием - это те изменения, которые необходимы для успеха в этой постоянно развивающейся динамичной среде.

Заключение

Российская гибридная война непосредственно связана с российской внешней политикой, которая направлена на низвержение мирового порядка, в котором доминирующую роль играет запад. Второстепенные цели такой политики направлены на то, чтобы сдерживать продвижение НАТО в Европе и позволить России добиться регионального доминирования. Для решения этих задач военная стратегия России эффективно использует прежде всего общегосударственный подход в исторический период ограниченной войны, применяемый во всех местах проведения военных действий. Для решения этих операционных и тактических задач Россия использует свои объединенные системы ПВО в Евразии для быстрого захвата территорий с помощью БТГ. Однако военное мастерство БТГ и российский метод гибридной войны по большей части неизвестны в отдалении от ее границ. Размышляя о том, как противостоять российской гибридной войне, следует вспомнить слова старого кавалериста генерала Джорджа С. Паттона младшего, который писал: «Бей сильнее первым ... идея заключается в том, чтобы сразу развить свою максимальную силу, не дожидаясь пока враг сможет развить свою».